

УДК 340.1.94

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-102-113

Ссылка для цитирования: *Белик К. М.* «Чтобы нас в грязи, в пыли съестъ болезни не могли»: сцены и модальности раннесоветской санитарной пропаганды // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 102–113.

«ЧТОБЫ НАС В ГРЯЗИ, В ПЫЛИ СЪЕСТЬ БОЛЕЗНИ НЕ МОГЛИ»: СЦЕНЫ И МОДАЛЬНОСТИ РАННЕСОВЕТСКОЙ САНИТАРНОЙ ПРОПАГАНДЫ¹

К. М. Белик

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., 9;

Челябинский государственный университет, 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
kseniabelik2402@gmail.com

ResearcherID: AAB-2863-2021

Scopus Author ID: 57226135384

SPIN-код: 1225-5648

С помощью изучения специфики технологий советской пропаганды анализируются места и способы санитарного просвещения в СССР в 1920-е гг. С опорой на подход Штефана Плагенборга аналитический акцент в работе ставится на модальности санитарной пропаганды. Из этой перспективы технология пропаганды, осуществляемая в рамках проводимой кампании санитарного просвещения советских граждан, рассматривается как проявление современных на 1920-е гг. тенденций, отвечающих новым нормам государства эпохи модерна. Анализируются четыре основных места осуществления санитарной пропаганды: дома санитарного просвещения с их мультимедийной работой, агитпоезда и их передвижные выставки, театральные сцены с гигиеническими постановками и специальными санитарными судами, избы-читальни и санитарная работа в них. Рассматриваются причины успехов и неудач различных способов санитарного просвещения. В зависимости от места и избираемой формы метод санитарной пропаганды использовал различные языковые и образные приемы: это помогло сместить изучение практик поддержания здоровья от теоретического осмысления к их пониманию в процессах осуществления ежедневных человеческих практик². Исследование демонстрирует, как постепенно в раннее советское время выстраивалась целостная система эффективных технологий обучения санитарии и гигиене, которая опиралась на различные практики медиализации населения, перформативные и творческие методы и предшествующий опыт социально-политического информирования. Благодаря используемым формам санитарной пропаганды и различным репертуарам санитарного просвещения советский трудящийся смог стать участником процессов медиализации общества и начать самостоятельно интересоваться охраной своего здоровья.

Ключевые слова: СССР, история медицины, пропаганда, санитарное просвещение, здравоохранение, И. Д. Страшун.

Введение

1 сентября 1920 г. Санпросвет³ Северо-Кавказского окружного военно-строительного управления Ростово-Нахичеванского гарнизона дал старт «Неделе борьбы с венерическими заболеваниями», выведя санитарную пропаганду на театральную сцену. Как отмечал в своей рецензии на «Суд над сифилитиком» и санитарную пьесу Н. Таганлицкого «Один из многих» врач, поэт и писатель Александр Климентьевич Дворкин-Самарский, «внимание его (зрителя. – К. Б.), несколько притупленное сухими мало говорящими чувству фактами и цифрами санпросветлекций и малохудожественными и не всегда понятными плакатами и диаграммами, напряженно приковывается к сцене, когда он видит на ней знакомые типы, которые не только говорят, но и действуют. <...> Остается приветствовать Санпросвет СКОВСУ за превосходное начинание в области широкого использования театральных подмостков для санпросвет пропа-

ганды и рекомендовать трудящимся обоего пола посетить выше обозначенные сансуд и пьесу» (РГАЛИ. Ф. 1490. Оп. 1. Д. 58. Л. 3–4).

Советская Россия действительно вошла в историю как государство пропаганды, где систематическое и целенаправленное воздействие на население с целью его индоктринации было одной из рабочих задач государственных аппаратов. Однако открытие пропаганды в качестве базовой политической технологии мобилизации граждан и управления населением произошло раньше [Kenez, 1985]. Изначально изобретение пропаганды связывают с усилиями католической церкви по распространению и обучению религиозным доктринам. Исследователи также обозначают пропаганду в качестве важной технологии времен Первой мировой войны, контекстом которой были формирование массового общества и инфраструктуры массовой коммуникации, производство социально-психологических знаний о массах и способах воздействия на них, образование когорты экспертов-пропагандистов [Jowett, 1987, p. 97–114]. Участие военных структур в пропаганде – не случайность. И не случайно, что глава санпросветдела Красной армии Кавказского фронта Илья Страшун в 1921 г. возглавил санпросвет всей страны. В данном исследовании ставится цель ответить на вопросы: кто, где и как занимался санитарной пропагандой в 1920-е гг.? Итак, следуя за Дворкиным-Самарским, выводящим пропаганду на сцену, в статье будут описываться места институционализации и предъявления пропаганды в качестве одной из основных технологий санитарного просвещения. При этом санитарное просвещение понимается как кампания, проводимая Наркомздравом по медикализации населения, а санитарная пропаганда – как одна из технологий этой кампании.

В своей рецензии Дворкин-Самарский подчеркивает дихотомию «сухих фактов и цифр» лекций и «действующих типов» театрального санпросвета. Автор рецензии говорит не просто о разнообразии средств, но и об их эффективности, вопрос о которой стоял в 1920-е гг. остро. В советских газетах начала 1920-х гг., говоря об эффективной пропаганде, использовали прилагательные «интенсивная», «деятельная», «планомерная». Исследователь Штефен Плаггенборг [Плаггенборг, 2000] показывает, каким образом разные культурные формы – музейное дело, плакат, кино, выставка и т.д. – были политически использованы в Советской России 1920-х гг. в качестве орудий пропаганды для изменения человеческой природы. Следуя за постановкой этого вопроса у Плаггенборга и рецензией Дворкина-Самарского, нас будут интересовать модальности пропаганды – дистанции от субъектов высказывания до сказанного. Из этой перспективы вопрос о соотношении лекции и санпьесы приобретает не жанровый, но политический смысл, а изучение пропагандистской модальности становится одной из главных исследовательских задач статьи.

По мере превращения Советской России в «государство пропаганды» пропаганда rozpoзнается в качестве ключевой технологии взаимодействия государства с населением и мобилизационного воздействия на него. На заводах и фабриках ведется производственная пропаганда, направленная на повышение производительности труда. Военная пропаганда среди прочего выражается в создании ячеек Осавиахима. Женотделы заняты женской пропагандой, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка пропагандирует идеи воздушного флота. У пропаганды разная направленность и различный масштаб. Она может быть своей и вражеской (предательской, антисоветской, контрреволюционной и т.д.) [Хоффманн, 2018]. В соотношении с еще одной технологией – агитацией – она выглядит воздействием более серьезным, действенным и комплексным⁴. На этом фоне санитарная пропаганда и типична, и специфична. Как и все другие виды пропаганды, она направлена на индоктринацию граждан в качестве советских граждан и формирование нового человека; осуществляется с помощью выразительных средств эмоционального воздействия: рассказов, стихов, песен, лекций и т.д.; ставит вопрос об эффективности и находится в поисках эффективных средств; гибридна по своей природе, поскольку совмещает в себе социальную политику и культурную технологию. Специфика санпросвета и программы социальной гигиены в целом – в близости к телу и использовании здоровья в качестве мощного оружия контроля и политической переделки человека.

Особенность санитарной пропаганды состоит также в ее контексте: медицина и гигиена присоединились к этой технологии в условиях разрастающихся эпидемий социальных (так их называли сами большевики) болезней: тифа, рахита, сифилиса, туберкулеза, алкоголизма и др.

(Пять лет советской медицины, 1923, с. 5). К исследованию этих вопросов уже обращались исследователи. Так, А. И. Нестеренко изучает популяризацию санитарно-гигиенических норм среди населения в 1917–1921 гг. и выделяет основные механизмы воздействия Наркомата здравоохранения на гигиеническую грамотность советских людей [Нестеренко, 1971]. Вопросы о санитарной пропаганде возникают и в работе Д. Хоффмана, который рассматривает их как особое сочетание пропагандистских практик современного государства. В этом смысле использование в санитарном просвещении технологий пропаганды отражало новые тенденции, при помощи которых советские медики старались привести общество в соответствие с новыми нормами государства эпохи модерна. Основной фокус данной статьи – в интересе к сценам и модальностям пропагандистского воздействия в сфере общественного здоровья.

Санитарная пропаганда до революции

Говоря о медиализации восприятия, нужно отметить появление идей о важности санитарного просвещения в России и Европе задолго до 1917 г. Новый взгляд на общество как на биологический организм, который периодически страдает от болезней, демографических ям и иных проблем медицинского толка, определил в эпоху Нового времени необходимость в создании профессиональной медицинской заботы сверху. По мнению М. Могильнер, эти процессы «предопределили саму возможность решать социальные проблемы путем рационального познания населения и целенаправленных манипуляций с ним, основанных на этих познаниях. Науки типа антропологии, общественной санитарии и статистики стали инструментами социальной диагностики» [Могильнер, 2008, с. 332].

Постепенно такая социальная диагностика становится областью активных действий, где формируются инициативы и непосредственная коммуникативная связь между представителями различных социальных групп. Теперь элиты солидаризировались в мнении о важности систематизации знаний о своем здоровье, а от этого выступали за распространение медицинского знания среди населения [Там же, с. 335]. Например, Михаил Ломоносов увидел в санитарной грамотности действенное средство против детской смертности: в своей работе «О размножении и охране русского народа», написанной в 1761 г., он предложил создать популярное учебное пособие об акушерстве и опубликовать его большим тиражом (Ломоносов, 1873, с. 572–676).

Постепенно, уже в XIX столетии, к идее популяризации знаний о здоровье присоединяются ученые-медики. Декан медицинского факультета Московского университета М. Я. Мудров с 1808 г. читал специальный курс военной гигиены, а в 1830 г. стал автором брошюры «Краткое наставление, как предохранять себя от холеры, излечивать ее и останавливать распространение оной». Другие известные медики, Н. Пирогов и Ф. Эрисман, смотрели на распространение медицинских и гигиенических сведений как на неотъемлемую часть работы врача [Вишленкова, Гатина, 2015, с. 158–160].

Развитие в XIX в. периодической печати также не обошло стороной тему здоровья: издавались «Московская медицинская газета», «Архив судебной медицины и общественной гигиены», «Московский врачебный журнал», «Современная медицина», «Земской врач», «Медицинская беседа», «Медицинское обозрение» и др. Однако важно подчеркнуть, что литература и тексты того времени не были общедоступными в силу малого уровня грамотности основной массы населения [Там же, с. 162].

Значительный вклад в распространение знаний о вопросах охраны здоровья внесло Вольное экономическое общество, основанное в 1865 г., которое занималось изданием научно-популярных книг о народном здравии на русском, татарском, грузинском, армянском и ряде других языков. В свою очередь, «Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова», созданное в 1883 г., также ставило себе одной из основных задач «содействовать улучшению общественного здравия и санитарных условий России» [Роцин, 1982, с. 48]. Участники занимались организацией гигиенических съездов и выставок, созданием небольших музеев, библиотек и лабораторий, чтением публичных лекций об охране здоровья. В 1893 и 1913 гг. были проведены две крупные Всероссийские гигиенические выставки. В начале XX в. общественная инициатива расширяется и появляются занимающиеся санитарным просвещением различные общественные организации: «Лига борьбы с туберкулезом», «Общество борьбы с детской смертностью» и др., которые организовывали лотереи, публичные лекции, издавали брошюры, листовки,

плакаты, печатали статьи в прессе [История санитарного просвещения России, 2023, с. 68–70]. Таковым было основание для дальнейшего развития санитарного просвещения к 1917 г.

Городские места советской санитарной пропаганды: дома санпросвещения

Как часть государственной системы здравоохранения санитарное просвещение начало формироваться в 20-е гг. XX столетия. В период 1920–1930-х гг. центральное медицинское управление находилось под контролем Народного комиссариата здравоохранения, созданного 18 июля 1918 г. Санитария как направление медицины, охраняющее и поддерживающая чистоту и здоровье населения, становилась центральной идеей здравоохранительной системы (*Семашко*, 1919, с. 1–3). В 1921 г. Декретом СНК РСФСР от 18.07.1918 «О народном Комиссариате Здравоохранения» в структуре Наркомздрава РСФСР была образована специальная санитарная секция. Создание секции стало началом институционального оформления санитарного просвещения в государственном масштабе (*Страшун*, 1923, с. 60).

В условиях неосведомленности и безграмотности населения требовалось в максимально короткие сроки найти эффективные средства и формы работы, доносящие советскую санитарно-гигиеническую повестку до широких масс. Осваивая литературные, перформативные, лекционные, судебные формы, машина советской агитации – санитарной в том числе – превращала их в технологии пропаганды. В зависимости от избранной формы технология санитарной пропаганды использовала различные методы воздействия. Встал вопрос о подходящих пространствах и площадках для работы с населением.

В городах санитарное просвещение опиралось на сеть домов санпросвета, до революции не имевших аналога. Хотя профессор Макеев, деятель «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова», предлагал в 1896 г. организовать всероссийскую подписку для строительства «Дома им. Пирогова» в Москве. Дом должен был стать центром медицинской общественности, объединив лекторий, музей, читальню и выступив организационным, методическим и издательским центром распространения гигиенических знаний. Из-за отсутствия средств проект не был реализован (*Ершов*, 1949).

Первые дома санитарного просвещения появились в 1920 г. в Ярославле, Смоленске и Харькове. Уже в первой половине 1921 г. их число возросло до 13; открылось 15 постоянных музеев-выставок. В 1924–1925 гг. к сети присоединились Ростов-на-Дону, Тверь, Одесса, Гомель, Краснодар, Владимир, Севастополь, Нижний Новгород, Саратов, Тула, Таганрог, Махачкала, Казань, Архангельск, Оренбург, Пенза, Ташкент и т.д. Дома санпросвета действовали и в разных районах столиц (*Каневский, Найштан*, 1929).

Они создавались по типу клубов, обеспечивающих просвещение граждан в культурных формах – через кинолекции, театрализованные постановки, санитарные викторины, кружки, музеи-выставки, библиотеки-читальни. Отдельную категорию мероприятий составляли циклы лекций по анатомии, физиологии и основам гигиены.

Работа была организована комплексно: экспозиция выставки дополнялась лекцией с обсуждением вопросов оздоровления труда и быта, социальных болезней, борьбы с суевериями. Если среди посетителей оказывалось несколько женщин, сотрудники дома санпросвета заводили беседы о том, куда пойти с больным ребенком, почему надо использовать детские кровати европейского образца, каким образом предохранить себя от болезней. Доклады иллюстрировались диапозитивами (*Идзон*, 1930, с. 12–13).

Курсы пользовались популярностью среди молодежи и женщин, да и сама пропаганда была гендерно асимметричной. Как отмечает Трисия Старкс, роль женщин подчеркивалась в создании здорового и гигиеничного жилья: «Если мужчины были показаны далекими от домашней жизни или исполняющими в ней небольшие задачи, то женщины репрезентировались через приготовление здоровой еды, заботу о детях, обеспечение чистоты и гигиены в доме» [Starks, 2008, p. 66].

Сотрудники домов санитарного просвещения организовывали выезды на заводы, в рабочие общежития, на рабфаки, в воинские части, в деревни, села, кишлаки для чтения лекций и популяризации санитарно-просветительных знаний. Их мобильность нашла свое отражение в опубликованном 19 апреля 1924 г. циркулярном письме Наркомздрава «Положение о доме санитарного просвещения». Данным положением определялось, что дома санитарного просвещения являются основными учреждениями по проведению санпросвещения, в состав которых вхо-

дили стационарная и передвижная выставки по охране здоровья, подвижной фонд наглядных пособий, аудитория, библиотека-читальня, склад или ларек популярной санитарной литературы.

Подробнее об инфраструктуре. Одним из самых обеспеченных был Ярославский дом санпросвета, размещавшийся в двухэтажном здании и располагавший в 1924–1928 гг. аудиторию на 150 мест со сценой и киноустановкой, библиотекой-читальней с 30 000 единиц хранения и 155 постоянными подписчиками, фондом наглядных пособий и передвижных выставок, диаскопами, эпидиаскопами, кинофильмами, двумя передвижными выставками, складом с экспедицией и киоском для распространения печатных изданий, музеем-выставкой в 3680 экспонатов. В штате состояло 14–15 сотрудников (Ершов, 1949, с. 13). В меньшем масштабе был реализован Дом санпросвета в Краснопресненском районе Москвы – одноэтажный особняк в семь комнат, аудитория на 120 мест, эстрада вместо сцены, библиотечный фонд 7 тыс. изданий, 12 диаскопов и т.д. (Там же, с. 27–30). Дома санитарного просвещения не просто мыслились комбинатами особого рода, как это было принято в 1920-е гг., но должны были стать центром управления и основной базой, «на которой строится вся работа в городе и районе» и «многочисленные нити которой проникают во все уголки нашей разносторонней и распыленной работы, организуя ее, согласовывают и объединяют» (Там же, с. 46).

Разоблачение предрассудков и заблуждений, а также повышение доверия к работе врача оставалось главной задачей домов санпросвета. Характеризуя в 1930 г. широту работы такого учреждения в Алма-Ате, житель столицы Казахстана Михаил Идзон отмечал: «У узбечки заболел ребенок. Когда болезнь стала угрожать его жизни, она наконец набралась храбрости и пошла в амбулаторию. Врач, осмотрев ребенка, прописал лекарство и растолковал, как его употреблять. Но дальше этого узбечка не пошла. Вместо того, чтобы заказать рецепт в аптеке, она привязывает его к руке ребенка и начинает ждать результатов. Не дождавшись их, через несколько дней приходит к врачу с жалобой на то, что “амулет не помогает”» (Идзон, 1930, с. 13).

Итак, дома санитарного просвещения были мультимодальной точкой реализации санитарной пропаганды и аккумулировали в себе сразу несколько репертуаров просветительской деятельности: и лекцию, и музей, и библиотеку, и театральную работу. Такая комплексность домов санитарного просвещения становилась главным критерием его эффективности. В этом смысле их можно сравнить с комбинатами, объединяющими предприятия различных производственных отраслей. Определяемое властью назначение домов санпросвета и образцовые проекты вместе кристаллизуют идею нового городского пространства, производящего – как комбинат – советского горожанина. Дом санитарного просвещения стал одним из инструментов формирования нового городского порядка, в котором происходило воспитание нового человека. Рекомендуемые программы работы этих учреждений содержали в себе детализацию способов и порядков этого производства.

Санитарная пропаганда в деревнях: избы-читальни

В деревнях до 1920-х гг. уже существовали места просветительской деятельности – избы-читальни, организацию деятельности которых осуществлял «избач». Первые избы-читальни появились в XIX в. и изначально стали выполнять просветительские функции. Это были своего рода сельские клубы с небольшими демонстрационными зонами. С приходом советской власти данные учреждения стали рассматриваться преимущественно как центры политической работы с крестьянством. В это время их деятельность находилась под пристальным контролем органов власти: направление и содержание работы в 1920-е гг. определялись циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР «Об укреплении изб-читален» от 18 сентября 1924 г. и Постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1929 г. «Об избах-читальнях».

В 1922 г. вступило в силу «Положение о работе среди профсоюзов», согласно которому были определены объем, содержание и формы санпросветработы и в этих институциях. Все это оставалось в сфере ведения органов Наркомздрава, а практические мероприятия – устройство курсов, лекций, экскурсий и пр. – возлагались на местные профсоюзные организации (НА РАМН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 7). Однако такой переход не стал эффективным решением с экономической точки зрения: с отдачей этого дела на местный бюджет санитарное просвещение чрезвычайно пострадало. Как отмечал Семашко в 1925 г., «оно еще кое-как теплится в губернских центрах, но оно чрезвычайно плохо обстоит в уездных центрах и почти полностью отсут-

ствует в наших деревнях, именно там, где задача санитарного просвещения особенно важна» (XII Всероссийский Съезд Советов, 1925, с. 1).

Главными направлениями работы изб к началу 1920-х гг. были выдача книг, участие в проведении посевных и уборочных кампаний, организация бесед и лекций, кружковая работа, громкая читка газет и журналов, прослушивание радиопередач, художественная самодеятельность, пропаганда правовой грамотности, антирелигиозная агитация. Наряду с этим началось активное вовлечение крестьянского населения в практики защиты своего здоровья.

Основным каналом для обучения и корректировки санитарно-просветительской деятельности таких изб служили специально издаваемые в издательстве «Крестьянская газета» периодические журналы. Например, в 1926 г. вышло бесплатное приложение к журналу «Избачитальня» под названием «Изба-читальня в борьбе за здоровую деревню». Оно содержало в себе методические рекомендации по проведению санитарно-просветительских лекций. Редакция приложения писала: «Работа крестьянина настолько тяжела, что справиться с ней может только вполне здоровый человек. Вот почему проводить работу по санитарному просвещению нужно так, чтобы практические выводы, определяющие возможность переустройства его быта на здоровых началах, выдвигались на первое место» (Берлянд, Степанов, 1926, с. 3).

Санитарное воспитание в деревне, ко всему прочему, велось в контексте и антирелигиозной пропаганды. Для наибольшей эффективности религия связывалась с показательным жизненным материалом – религиозными обычаями, вызывающими те или иные болезни. Например, говорилось, что в результате распространенного в православии обычая христосования на Пасху и целования креста имеют место многочисленные случаи заболевания сифилисом (Там же, с. 12).

Итак, избы-читальни, как и дома санпросвещения, также стали основным местом санитарной пропаганды в деревне. Вероятно, в силу меньших финансовых возможностей устроить в деревне самостоятельный театр или музей гигиены было сложно. Поэтому изба как привычное и уже рабочее место идеологической и просветительской работы с крестьянским населением расширила свой репертуар санитарными сюжетами. Однако чиновники Наркомата здравоохранения не стали ограничиваться лишь мультимодальными центрами просвещения в городе и в деревне и ставили перед собой задачу усилить не только формы санитарного просвещения, но и его географию.

Экспонируя заразу: о санитарных агитпоездах и выставках

Идея создать мобильную пропаганду в специальных агитпоездах принадлежит членам Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В период Гражданской войны 1917–1923 гг. боевой дух солдат поддерживали с помощью агитационных материалов, которые такие поезда довозили в разные уголки страны. Изначально одно купе пассажирского поезда заполняли пропагандистской литературой и вместе с курьером направляли ее в прифронтовые пункты. Однако вскоре ВЦИК решил, что ради такого дела можно выделить и целый поезд, расписав его пропагандистскими лозунгами для привлечения внимания, – бумажные плакаты были слишком ненадежны, по пути их уничтожали дождь и ветер.

В августе 1918 г. в комитете приступили к созданию первого агитационного поезда (Агитпарпоезда В.Ц.И.К., 1920, с. 2–4). В составе из пятнадцати пассажирских и товарных вагонов оборудовали книжные склады. Имеются свидетельства, что в поездах также имелись отделение телеграфного бюро, киноаппарат и экран для демонстрации фильмов (Там же, с. 6–8). Со временем агитпоезда стали тематическими: появились «Красный Восток», «Советский Кавказ», «Красный казак» и «Октябрьская революция». Разные режимы видения провоцировали различные виды изобразительного материала: монтажность экспозиций выступала необходимой предпосылкой к выстраиванию новых связей в сознании смотрящих зрителей.

В 1920 г. Наркомздрав в Петрограде также решает поставить санитарную пропаганду на колеса и организывает санагиттрамвай. Отдельно осваивалась и железная дорога: были созданы инструкторский поезд-выставка и 17 вагонов-выставок, курсировавших почти по всем железным дорогам. Некоторыми Губздравицами были организованы баржи-выставки, по шоссейным дорогам было устроено семь подвижных выставок (Там же, с. 13–17). Благодаря этому санитарное просвещение в буквальном смысле стало мобильным.

Литературные критики 1920-х гг. считали, что советская публика ждала интересного зрелища, «и если и собирается чему-то поучиться, то именно через зрелищное волнение, а не через форму поучений ораторов» (*Херсонская*, 1925, с. 34), и санпросвет старался отвечать на этот запрос. Характеризуя санитарно-просветительскую работу на Курской дороге, санитарный врач Р. Н. Шор отмечал: «Работа вагона-выставки, который за год сделал 13 поездок по Курской, Нижегородской и Окружной и 190 лекций-бесед, собрала 11 515 посетителей. Почти все лекции читались с волшебным фонарем, раскрашенными картами и диаграммами. Вагон-выставка имеет человеческий скелет, микроскоп, много препаратов, диапозитивы и другие показательные пособия» (*Шор*, 1924, с. 5).

В 1923 г. средняя посещаемость санитарного поезда на Курской железной дороге составила 165 человек в день. Посетителям читались и лекции по социальным болезням – венерическим инфекциям, туберкулезу, алкоголизму, малярии (147 лекций), по охране материнства и младенчества (43 лекции), по охране труда (22 лекции), по анатомии (45 лекций), о заразных болезнях (31 лекция), о подаче первой помощи (9 лекций) и 19 лекций на другие темы о здоровье. Общее количество посетителей составило 62 986 человек. Однако со временем эффективность работы санагитпоездов стала снижаться: в силу недостаточного финансирования этого направления санитарного просвещения от многих форм санитарной пропаганды здесь приходилось отказываться. Тот же Шор в 1924 г. отмечал: «Но неожиданно для всех санпросветительная работа оборвалась за отсутствием средств. Не верится, чтобы дорпрофсоюз и управление дороги, потратив много материальных средств на образцово поставленное дело, не изыскали бы их в дальнейшем» (Там же).

Видимо, в дальнейшем изыскать необходимых средств для поддержания санитарной пропаганды на железной дороге не удалось, так как через четыре года в газете «Гудок» появилась заметка: «На железной дороге существует сеть санитарно-просветительных учреждений. Но их работа выражается главным образом в раздаче всевозможных листовок, в лекциях, в кружковой работе» (*Качурин*, 1928, с. 4).

Редко санагитпоезда привозили с собой в железнодорожные клубы санитарно-просветительные кинофильмы. Другой живой работы в виде спектаклей, инсценировок на железной дороге не велось. Современники сетовали и отмечали в газетных заметках, что интерактивность (например, санитарный театр) повысила бы интерес железнодорожников к здравоохранению и охотнее направила бы их и в санитарно-просветительные кружки (Там же, с. 5). Однако санпросветским железнодорожным органам создать свой санитарно-просветительный театр было трудно все также из-за отсутствия средств.

Экспериментальный проект «просвещения на колесах» позволил санитарной пропаганде расширить аудиторию слушателей как количественно, так и качественно: в санитарное просвещение были включены все регионы страны. Санитарные экспозиции в поездах предложили новый оптический режим медицины – понятную и эффективную модель демонстрации и восприятия изобразительного материала о санитарии. Агитпоезд стал эффективным и эффективным способом смыслообразования, в котором выразительные средства сочетались с современными транспортными технологиями.

Рампа санпросвета: перформативность санитарной пропаганды

Отдельным способом санитарной пропаганды в рассматриваемое время стали санитарные театральные спектакли. Медицинская работа с театрализацией – это попытка показать тело человека и его возможные болезни ненасильственно, т.е. без применения анатомического театра. Через постановки медицина охватывала повседневность, а медицинское знание проникало в общественное мышление.

Специальные театральные труппы были дорогим мероприятием, доступным лишь наиболее крупным домам санитарного просвещения в Москве, Ленинграде, Харькове и Воронеже. В Научном институте санитарной культуры, основанном Московским городским и областным здравотделом в 1929 г., в течение нескольких лет функционировал специальный санитарно-просветительный театр под руководством драматических режиссеров столицы.

Ставящиеся санитарные спектакли в основном охватывали тематику социальных болезней. Пьесы убеждали зрителя, что своевременно принятое лечение приводит к полному выздоровлению, обрисовывали, как трудящиеся ежедневно сознательно и несознательно «грабят» свое собственное здоровье, обличали темный быт деревни, где знахарство и суеверие – обычное явление. Особый отклик зрителя вызывали пьесы, которые касались табуированных ранее тем – проституции, алкоголизма и венерических заболеваний. Например, в пьесе «Сумерки города», где героиня Лиза заразилась сифилисом, перед зрителем предстал социальный контекст существования заразной болезни: притоны, все мрачные закоулки большого города и, наконец, диспансер. «Тяжелые переживания заболевшей сифилисом и потом ее радостное избавление от недуга, – все это живо волнует зрителя, рождает в нем мысль уберечь свое здоровье от сифилиса» (Там же).

Об эффективности театрализации санитарной пропаганды свидетельствовала статистика: например, по свидетельствам, театр санпросвета в Курске дал за четыре года своей работы свыше 800 спектаклей и 400 концертов, через него прошло свыше миллиона зрителей (Там же, с. 4). Даже известный советский агитационный театральный коллектив «Синяя блуза», который затрагивал в своих выступлениях самые различные темы – от общеполитических и международных до мелочей быта, – тоже стал освещать темы санитарии и гигиены (Малые формы клубного зрелища, 1929, с. 62).

Вместе с тем театрализация затронула и санитарно-просветительскую работу с детьми. Больше всего она была наполнена трансформацией понимания чистоты и личной гигиены, которые оказались, в свою очередь, трансформацией понимания здоровья. Оборудование домов умывальными и ванными комнатами, регулярные проветривания и прогулки, тенденция к уничтожению неприятного запаха тела – повседневная жизнь советских людей становилась более чистоплотной. В детских пьесах персонажи пели песни о важности соблюдения правил личной гигиены: прибрать кровать, умываться и чистить зубы, каждый день прогуливаться и дышать свежим воздухом для укрепления иммунитета. Все это рекомендовалось выполнять, «чтобы нас в грязи, в пыли съесть болезни не могли» (Там же, с. 10–12).

Гавриил Добржинский в 1925 г. написал пьесу в двух картинах для детей младшего возраста «Ивашка-замарашка». По сюжету дети просыпаются утром в общей комнате для сна и всячески порицают героя Ивашку за его нечистоплотность и игнорирование мер личной гигиены: «Ни рубашку не заправишь, ни голову не причешешь, ни зубы не вычистишь. Тьфу!» (Добржинский, 1925, с. 8). Такое внимание к дихотомии «грязный – чистый» и отождествление чистоты со здоровьем имели политическую функцию. По мнению исследовательницы Мэри Дуглас, нечистоплотность включается в отличительные маркеры социально неподходящих элементов, тем самым разграничивая «своих» и «чужих» [Дуглас, 2000, с. 65–66]. Таким образом, тощие болезненные фигуры маркировались еще и социально неподходящими в силу своей неряшливости и грязи. По мнению Галины Орловой, это позволило провести сортировку нового и старого [Орлова, 2007, с. 251–270].

Главная часть сюжета – явление к Ивашке различных болезней. Добржинский визуализирует заразу и заболевания и характеризует их через маркеры симптомов. В пьесе чесотку должна играть чумазая девчонка со спутанными висящими космами волос, горловые болезни исполняли фигуры с обмотанным горлом и красными воспаленными лицами, лишай должен был быть воплощен на сцене грязным остриженным мальчишкой, чахотку играла тощая и кашляющая фигура с желтым лицом (Добржинский, 1925, с. 5). Из сценария пьесы видно, что фигуры болезней неестественны, фантастичны и их особенности подчеркнуты. В конце таких детских пьес главные герои всегда решают впредь соблюдать личную гигиену, мыться и предотвращать заболевания заранее.

Более доступным и широко распространенным видом театрализации идей санитарного просвещения стали «Санитарные суды», посвященные главным образом эпидемическим инфекционным и венерическим болезням. В ходе судов разыгрывались выступления сторон обвинения, защиты, самого обвиняемого, свидетелей и т.д. Потребность в прозрачном гражданском обществе и необходимость медицинской опеки привели к гибридам судов и театров и формированию идеала двойного толка: здорового тела самого по себе и решений, которые при-

нимаются относительно него в обществе. Началось восстановление взаимодействия между научными и обывательскими знаниями.

Инсценировались «Суд над красноармейцем Неряшкиным», обвиняемым во вшивости и распространении сыпного тифа, «Суд над сифилитиком» [*Заблудовский, Лотова, 1979, с. 21*]. Наибольшую известность приобрел «Суд над проституткой» по обвинению в распространении венерических болезней. Главную героиню-крестьянку еще до революции соблазняет хозяйский сын, она никак не может найти работу и вынужденно идет в публичный дом, где заражается сифилисом (Санитарный суд над проституткой, 1924, с. 4). В сценарии А. И. Аккермана «Суд над проституткой и сводницей: Дело гражд. Евдокимовой по обвинению в сознательном заражении сифилисом и гражд. Свиридовой в сводничестве и сообщничестве» можно обнаружить схожий сюжет (*Аккерман, 1925*). Среди действующих лиц есть врач, который выступает в качестве экспертного лица и проводит освидетельствование на предмет заражения. Его речь как раз и отвечает задачам санитарного просвещения: в ходе допроса он дает ответы на специальные наводящие вопросы со стороны обвинения и защиты: «Обвинитель: Скажите, доктор, какие проявления болезни были у гражд. Евдокимовой до посещения ее гражд. Климовым. <...> Защитник: Скажите, доктор, у каждого больного сифилисом сыпи предшествует язва? А также прошу сказать, может ли больной не заметить ни язвы, ни сыпи?» (Там же, с. 50–54). Можно говорить, что санитарный суд одновременно являлся и судом чести, обозначающим дозволенное и недозволенное поведение советских граждан в соответствии с новой этикой.

Судя по отзывам в периодических печатных изданиях, гигиенические спектакли и санитарные суды были особенно популярным и действенным способом санитарного просвещения: они не только транслировали необходимые знания, но и через вовлечение аудитории в «процесс» создавали дихотомию «свой – чужой». Приобщение к «своим» инициировало у советского населения желание удержаться в этой группе, а значит – соблюдать необходимые нормы. Фиксация важности гигиены на сцене выражалась в виде ужасного обезображивания и идеального преобразования.

Обозначение говорящего: санпросвет и личность. Заключение

Многие из тех, кто обозначал и устанавливал язык санитарного просвещения, определял его формы и модальности пропаганды в ней, сейчас либо неизвестны, либо забыты. Можно говорить о двух причинах этого умолчания: в первую очередь многие деятели советского здравоохранения были искусственно исключены из общественного дискурса после сфабрикованных «Дела врачей» и «Борьбы с космополитизмом» (1948–1953). Во-вторых, многие личные и структурные фонды документов, связанных с организацией санитарного просвещения, хранились в Архиве Российской академии медицинских наук, доступ к которому практически невозможен после реформы Академии наук и последующего архивного кризиса в 2019 г.⁵

Одним из таких деятелей был Илья Давидович Страшун. В 1949 г. он был уволен со всех должностей в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и обвинен в буржуазном объективизме и злонамеренных попытках скрыть передовое значение советской медицины. 316 единиц его документов хранятся в его личном фонде № 11 в Научном архиве Российской академии медицинских наук⁶.

Конечно, в силу обозначенных ограничений восстановить точную степень вклада и роль Страшуна представляется сложным. Однако имеющееся многообразие сохранившихся документов об описанных в статье режимах санитарного просвещения, дошедшие до нас тексты публичных выступлений Страшуна, его санитарных брошюр и публицистических статей позволяют обрисовать контуры его работы. Выбранные для статьи сценарии санитарного просвещения объединяет личность Страшуна – он был точкой соединения и инициирования описанных процессов.

Илья Давидович одним из первых озвучил идеи о «политических моментах санитарного просвещения» и о санитарном просвещении как обязательной составной части политработы в Красной армии. Известно, что как начальник санитарно-просветительного отдела санитарной части фронта Страшун говорил в марте 1921 г. на Первом Всероссийском совещании по санитарному просвещению о необходимости пересмотра технологий санитарного просвещения, продиктованного условиями времени [*Заблудовский, Лотова, 1979, с. 17*]. После этого выступления Страшун был переведен с Кавказского фронта в Наркомздрав на должность заведующего санитарно-просветительным отделом. Одновременно с руководством этим отделом Страшун

возглавил с 1922 г. издательство Наркомздрава. С 1926 по 1948 г. он входил в редакцию Большой медицинской энциклопедии.

Те идеи, которые привносил и реализовывал И. Д. Страшун с коллегами в направлении санитарного просвещения, позволили произвести смещение в изучении различных практик поддержания здоровья к их пониманию в процессах осуществления ежедневных человеческих практик.

Многообразность осуществляемых сценариев отнюдь не подразумевала их фрагментарности. Язык санитарного просвещения стал частью человеческой деятельности, а множественная санитарная пропаганда стала значимой в реальном социокультурном дискурсе. По этой причине она оснащалась средствами и стратегиями, которые непосредственно передавали личное и межличностное отношение и были предназначены для выражения чувства эмоциональной вовлеченности. Обозначение правильных и отказ от неправильных гигиенических стратегий поведения в проанализированных модальностях санитарной пропаганды смогли эмоционально, ментально и психологически вовлечь советских трудящихся в содержание санитарного сообщения, активировать знания о мире и втянуть в «сцену».

Цели народовластия требовали, чтобы жители страны участвовали в государственных делах и были просвещенными гражданами. Широкое использование санитарной пропаганды справилось с этой задачей в деле санпросвета советского народа.

Примечания

¹ Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых», проект № 22-28-00557.

² Изучение технологий адаптации научных достижений, используемых советской медициной, выполнено при финансовой поддержке Московского физико-технического института (национального исследовательского университета).

³ Вероятно, имеется в виду Отдел санитарно-просветительской работы СКОВСУ.

⁴ В 728-м выпуске журнала «Гудок» за 1922 г. автор заметки «Путь к углублению антирелигиозной пропаганды» противопоставляет противорелигиозную пропаганду «поверхностной противополоповской агитации».

⁵ Подробнее об архивном кризисе см.: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/03/80081-tonut-za-dolgi>.

⁶ НА РАМН. Ф. 11. Страшун Илья Давидович (Давыдович) (1892–1967) – гигиенист, историк медицины, организатор здравоохранения, академик АМН СССР (1944)). 316 ед. хр.

Список источников

- Научный архив российской академии медицинских наук (НА РАМН). Ф. 11. Оп. 1. Д. 1.
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1490. Оп. 1. Д. 58.
Агитпарпоезда В.Ц.И.К. Их история, аппарат, методы и формы работы: сб. ст. под ред. В. Карпинского. Пг.: Гос. изд-во, 1920. 68 с.
Аккерман А.И. Суд над проституткой и сводницей: дело гражд. Евдокимовой по обвинению в сознательном заражении сифилисом и гражд. Свиридовой в сводничестве и сообщничестве / 3-е изд. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925. 64 с.
Берлянд А., Степанов С. Изба-читальня в борьбе за здоровую деревню: материалы и их проработка для пяти занятий // Бесплатное приложение к журналу «Изба-читальня» № 9. М.: Крестьянская газета, 1926. 58 с.
Добржинский Г. Ивашка-замарашка. Пьеса для детей. М.: Изд-е Мосздравотдела, 1925. 32 с.
Ершов В.С. Дом санитарного просвещения и его работа / Ин-т сан. просвещения М-ва здравоохранения СССР. М.: Тип. изд-ва «Моск. Большевик», 1949. 172 с.
Идзон М. Дядя Санпросвет идет... // Огонек. 1930. № 7(359). С. 13.
Каневский Л.О., Найшитат А.Г. О работе домов санитарного просвещения // Московский медицинский журнал. 1929. № 11/12.
Качурин В. Санитарно-просветительный театр // Гудок. 1928. № 250 (2534). С. 4.
Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа // Русская старина. 1873. Т. 8, № 10. С. 563–580.
Малые формы клубного зрелища. М.: Труд и Книга, 1929. № 7. 66 с.
Пять лет советской медицины. 1918–1923: сб. ст. М.: Нар. ком. здрав., 1923. С. 5.
Санитарный суд над проституткой // Советская Сибирь. 1924. № 23 (1265). С. 4.

Семашко Н.А. Основы советской медицины. М.: Изд-е народного комиссариата здравоохранения, 1919. 22 с.

Страшун И.Д. Санитарное просвещение в РСФСР за пять лет // Пять лет советской медицины: 1918–1923. М.: Изд-е народного комиссариата здравоохранения, 1923. С. 60–68.

Херсонская Е. На чем строятся художественные приемы в агитации // Коммунистическая революция. 1925. № 15-16. С. 34.

Шор Р.Н. Необходимо поддержать санитарно-просветительную деятельность // Гудок. 1924. № 1186. С. 5.

XII Всероссийский Съезд Советов. Доклад народного комиссара здравоохранения тов. Н.А. Семашко // Известия. 1925. № 104 (2437). С. 1.

Библиографический список

Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет scienti-fически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169.

Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. СПб.; М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 286 с.

Заблудовский П.Е., Лотова Е.И. И.Д. Страшун. М.: Медицина, 1979. 72 с.

История санитарного просвещения России: монография / под общ. ред. д-ра мед. наук, профессора, академика РАН Г.Г. Онищенко, д-ра мед. наук, профессора А.Ю. Поповой. СПб.: Научные технологии, 2023. 546 с.

Могильнер М.Б. Homo impetii. История физической антропологии в России (конец XIX– начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 505 с.

Нестеренко А.И. Санитарное просвещение в РСФСР. Становление и начальный период развития (1917–1921 гг.). М.: Медицина, 1971. 138 с.

Орлова Г.А. Организм под надзором: тело в советском дискурсе о социальной гигиене (1920-е годы) // Теория моды. 2007. Вып. 3. С. 251–270.

Плагенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

Роцин А.В. 100-летие Устава Московского гигиенического общества // Гигиена и санитария. 1982. № 5. С. 48–49.

Хоффманн Д.Л. Взращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.

Jowett G.S. Propaganda and Communication: The Re-emergence of a Research Tradition // Journal of Communication. 1987. № 37(1). P. 97–114.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge University Press, 1985. 324 p.

Starks T. The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. University of Wisconsin Press, 2008. 336 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.06.2023

“SO THAT IN THE DIRT, IN THE DUST, DISEASE CAN NOT EAT US UP”: SCENES AND MODALITIES OF EARLY SOVIET SANITARY PROPAGANDA¹

К. М. Белик

Moscow Institute of Physics and Technology, Institutskiy lane, 9, 141701, Dolgoprudny, Moscow, Russia;

Chelyabinsk State University, Brat'yev Kashirinykh str., 129, 454001, Chelyabinsk, Russia

kseniabelik2402@gmail.com

ResearcherID: AAB-2863-2021

Scopus Author ID: 57226135384

SPIN: 1225-5648

Through an examination of the specific technologies of Soviet propaganda, the paper analyses the places and modalities of sanitation education in the USSR during the 1920s. Following Stefan Plagenborg's approach, the paper

places analytical emphasis on the modality of sanitation propaganda. From this perspective, the propaganda technology used to educate Soviet citizens about sanitation is seen as a manifestation of contemporary trends in the 1920s that aligned with the new norms of the modern state. The text analyses four main venues for the implementation of sanitary propaganda: sanitary education houses with their lecture work, agit-trains and their travelling exhibitions, theatre stages with hygienic productions and special sanitary courts, and public reading houses and their sanitary work. The author examines the reasons for the successes and failures of these different modes of sanitation education. Depending on the place and form chosen, different linguistic and imaginative techniques were used in the method of health promotion, shifting the focus from theoretical reflection to understanding health practices in everyday human activities. The study demonstrates how a holistic system of effective sanitation and hygiene education technologies was gradually built up during the early Soviet era, drawing on different practices of medicalization of the population, performative and creative methods, and various prior experiences of socio-political information. The forms of sanitation propaganda and the various repertoires of sanitation education allowed Soviet workers to become involved in the processes of medicalizing society and to take an independent interest in protecting their health.

Key words: USSR, history of medicine, propaganda, health education, public health, Ilya Strashun.

Acknowledgments

¹ The research funded by the Russian Science Foundation, project № 22-28-00557 “Dissertation Culture of the Scientific Community of Soviet Historians in the 1920s – 1950s: Adaptation of Pre-Revolutionary Experience and Search for a New Model of Scientist Training”.

References

- Duglas, M. (2000), *Chistota i opasnost'. Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu: Per.s angl.* [Purity and Danger. An Analysis of Perceptions of Desecration and Taboo: Translated from English], KANON-press-Ts: Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 286 p.
- Jowett, G.S. (1987), “Propaganda and Communication: The Re-emergence of a Research Tradition”, *Journal of Communication*, № 37(1), pp. 97–114.
- Kenez, P. (1985), *The birth of the propaganda state: Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 324 p.
- Khoffmann, D.L. (2018), *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm, 1914–1939* [Cultivating the Masses. Modern state practices and Soviet Socialism, 1914–1939], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 424 p.
- Mogil'ner, M.B. (2008), *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX - nachalo XX v.)* [Homo imperii. History of physical anthropology in Russia (late XIX – early XX centuries)], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 505 p.
- Nesterenko, A.I. (1971), *Sanitarnoye prosveshcheniye v RSFSR. Stanovleniye i nachal'nyy period razvitiya (1917–1921 gg.)* [Health education in the RSFSR. Formation and initial period of development (1917–1921)], Meditsyna, Moscow, USSR, 138 p.
- Onishchenko, G.G. & A.Yu. Popova (eds.) (2023), *Istoriya sanitarnogo prosveshcheniya Rossii. Monografiya* [History of sanitary education in Russia. Monograph], Naukoemkie tekhnologii, St. Petersburg, Russia, 546 p.
- Orlova, G.A. (2007), “The Body under Oversight: The Body in Soviet Discourse on Social Hygiene (the 1920s)”, *Teoriya mody*, № 3, pp. 251–270.
- Plaggenborg, S. (2000), *Revolyutsiya i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoy revolyutsiei i epokhoy stalinizma* [Revolution and culture. Cultural references between the October Revolution and the Stalinist era], Neva, St. Petersburg, Russia, 416 p.
- Roshchin, A.V. (1982), “100th anniversary of the Charter of the Moscow Hygienic Society”, *Gigiya i sanitariya*, № 56 pp. 48–49.
- Starks, T. (2008), *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*, University of Wisconsin Press, Wisconsin, USA, 336 p.
- Vishlenkova, E.A. & Z.S. Gatina (2015), “«To present the subject scientifically»: Russian doctors and their field research (first half of the 19th century)”, *Rossiyskaya istoriya*, № 3, pp. 154–169.
- Zabludovskiy, P.E. & E.I. Lotova (1979), *I. D. Strashun* [Ilya Strashun], Meditsina, Moscow, USSR, 72 p.